

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

На полпути земного бытия,
Утратив след, вступил я в лес дремучий¹.
Он высился, столь грозный и могучий,
Что описать его не в силах я
И при одном о нем воспоминанье
Я чувствую душою содроганье.
Ужаснее лишь смерть бывает нам;
Но, ради благ, найденных мною там, —
Скажу про все, увиденное мною.
Не знаю сам, как сбивчивой тропею
Я в этот лес таинственный вступил:
Глубоким сном я вдруг охвачен был.
Когда же я приблизился к холму,
Служившему границей той долине,
Где я блуждал в тревоге и кручине, —
Увидел я, как, разгоняя тьму,
Луч солнечный забрезжил на вершине,
И легче стало сердцу моему.
Утихнул страх — взволнованное море
Души моей смущавший в эту ночь,
Которую провел я в тяжком горе.
И, как пловец, успевший превозмочь
Опасности, еще глядит на волны
И на берег выходит, страхом полный, —
Так, трепеща, туда я кинул взгляд,
Откуда нет живущему возврата
И ни один не приходил назад.
Почувствовав, что плоть моя объята

Усталостью, решил я отдохнуть
И, подкрепясь, опять пустился в путь.
Я шел вперед гористою дорогой
И встретился на самой крутизне
С пятнистою пантерой быстроногой²;
Преградою в пути являясь мне,
Ужасный зверь на месте оставался,
И сам бежать я тщетно порывался.

Был ранний час, и вот, окружено
Созвездьями, светило дня всходило,
Как в первый день, когда зажглось оно
Божественной любви святою силой.
Отрадою дышало все кругом,
И сам я ждал победы над врагом,
Но снова был тревогой роковою
Охвачен я: с поднятой головою
Свирепый лев³ моим очам предстал,
Он шел ко мне настойчиво и властно,
И голодом казался так ужасно
Терзаем он, что воздух трепетал.
Вослед ему шла тощая волчица⁴,
Чьей алчности неведома граница:
Томит людей желаньями она.
И вновь душа, отчаяньем полна,
Смутилася, и, повинувась взору
Чудовища, не смел идти я в гору.
И, наподобье жалкого скупца,
Когда, лишась навеки обладанья
Сокровищем, не в силах он рыданья
Сдержать в груди — я плакал без конца
И отступал пред нею к той долине,
Где гаснет свет. И там, в немой пустыне,
Я смертного увидел пред собой.
От долгого молчания безгласен
Казался он, и молвил я с мольбой:

— Призыв к тебе да будет не напрасен!
Кто б ни был ты: бесплотный светлый дух
Иль человек — склони к моленью слух,
Спаси меня в моей ужасной доле! —
И молвил он: — «Уж я не смертный боле,
Но смертным был при Юлии рожден.
Я жил во тьме языческих времен,
При Августе, и вместе с целым Римом
Благоговел пред божеством я мнимым.
Там, на земле, я также был поэт⁵,
И в песнях мной Анхизов сын воспет,
Бежавший прочь от Трои горделивой.
Но отчего обратно в эту тьму
Стремишься ты — не к светлому холму,
Не к высоте безгрешной и счастливой?»
И молвил я, склонив пред ним чело:
— Ужели ты — Вергилий несравненный,
Поэзии источник вдохновенный,
Струящийся обильно и светло?
Хвала тебе! И славою, и светом
Являешься ты всем другим поэтам.
Наставник мой, которого прилежно
Я изучал, заступником моим
Явись в беде, грозящей неизбежно!
Тобою был в труде руководим,
По милости твоей себе хваленья
Снискал и я в искусстве песнопенья.
Молю тебя, от зверя защити!
Идти вперед я более не в силах,
Смутился дух, и кровь мятется в жилах.

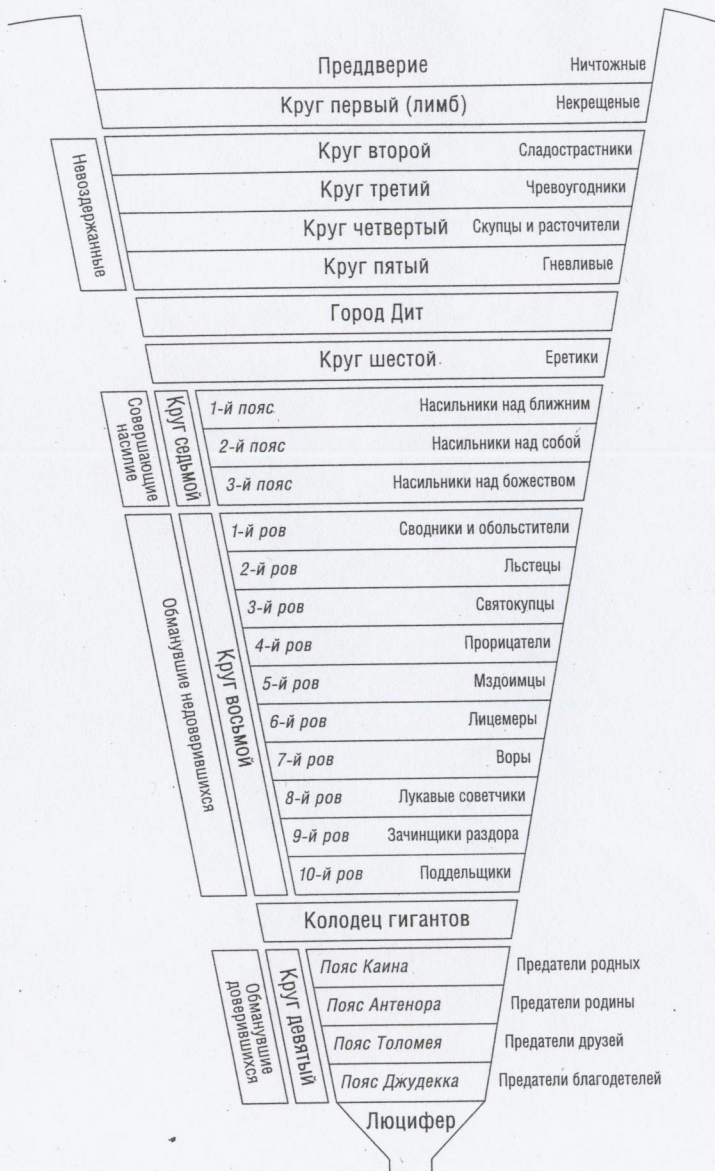
Ответил он: — «Ищи себе пути
Иного ты, чтоб выйти из пустыни.
Чудовище губило всех доныне,
И жертв его — несметное число.
Но алчности насытить не могло
Оно ничем: для жадности волчицы

Пределов нет, не может быть границы.
Со многими в союз войдет она,
Но будет Псом⁶ затем умерщвлена.
Алкающий не злата и земель,
Поставит он себе иную цель,
Почтив любовь, премудрость, добродетель.
От Фельтро и до Фельтро⁷ — та страна,
Где он со дня рождения — владетель.
Италия им будет спасена,
Та, для кого Камиллы непорочной
Струилась кровь, и смертью в час урочный
Погибли Турн и с Низом — Эвриал⁸.
Могучий Пес для мщения восстал.
Травя ее от града и до града,
Загонит он волчицу в бездну Ада,
Откуда зависть вызвала на свет
Чудовище. Последуй же, поэт,
За мною ты, я — твой путеводитель,
И вечности увидишь ты обитель;
Услышишь в той ужасной стороне
Стон грешных душ, мятущихся в огне,
Вторую смерть в отчаянье зовущих.
Увидишь ты и облегченья ждущих:
Со временем избавятся оне
И воспарят к обители блаженства.
Но, если ты захочешь вознестись
В тот светлый мир, в сияющую высь —
Есть существо, пределов совершенства
Достигшее, которому я сам
Тебя у врат небесных передам.
Воспитанный в преданьях ложной веры,
Я в райские не проникаю сферы⁹
И не могу к Господню алтарю
Тебя привести. Небесному Царю
Подвластно все, но там — Его чертоги,
Престол Его. Блаженны те стократ,
Кто в этот край не утерял дороги!»

И молвил я, волнением объят:
— О, заклинаю памятью о Боге,
Которому ты не служил, поэт,
Веди меня от этих зол и бед
В печальный край, описанный тобою,
И грешных скорбь да вижу пред собою, —
Оттуда же — к вратам Петра святым!

И он пошел, и я — вослед за ним.

СХЕМА АДА

СХЕМА ЧИСТИЛИЩА

СХЕМА РАЯ

